

Яков Фиш. «Я спасаю свой мир...»

* * *

Я спасаю свой мир, как младенца в пещере,
От уродов и иродов, римских властей;
Здесь, как прежде, испачканы кровью все двери,
В этой эре не будет хороших вестей.

Здесь надолго зима и волхвов, если спросят,
Не расскажут они о рожденье звезды;
Там Мария не спит и не дремлет Иосиф,
Ибо ночи от страха и мрака густы.

Римский меч разрубил там эпоху на эры,
Но спасают младенца Иосиф с женой;
Здесь дай времени, Боже, дай силы и веры;
Я спасаю свой мир — он во мне, он живой!

Юрий Астанков

**«И невзначай рождаются
Слова...»**

* * *

И пока я изводил бумагу,
умеряя вдохновения дрожь,
листья жадно впитывали влагу,
что принёс с собою летний дождь.

Я писал про оклик журавлиный
и при взмахе певшее крыло.
Тучи шли, как конница, лавиной.
Молнии — как шашки наголо.

Вспышки озаряли всю окрестность,
предваряя громовой раскат.
Я искал певучих соответствий,
забираясь в дебри языка.

На удачу положившись слепо,
я за звуком припустился вслед,
но и там лишь журавли и небо,
дождь и тучи, молнии и свет...

Любите живопись, поэты.
Н. Заболоцкий

Коль всё разлетится на атомы,
иль все мы разлюбим балет.
Поэты во всем виноваты,
и в этом сомнения нет.

Виновны и в этом, и в этом,
поскольку им знание дано,
каким разрисовывать цветом
небесное полотно.

Ведь синее — это основа,
а сколько оттенков, смотри.
Попробуй-ка выразить словом
цвет алый июльской зари.

А если же всё по порядку,
то сколько у света сторон?
Цвет воздуха — это загадка,
В которую он погружён.

Иль, скажем, когда вечереет
и в небе рождается тень.
Кто так же искусно сумеет
раскрасить нам прожитый
день.

Но нет вдохновению предела,
когда бьёт в глаза синева.
Он смело берётся за дело,
с утра засучив рукава.

Заметьте, и это без красок,
а только лишь звук и слова.
Поэты рисуют пространство,
касясь до слуха едва.

Конечно, нам в этих примерах
конкретной вины не сыскать.
Но, если вдруг слову нет веры,
Вселенной не устоять.

Подкова на счастье лежит
на дороге —
одна из старинных примет.
А в облаке тающем месяц
двурогий
бросает свой призрачный свет.

Для быстрого взгляда,
быть может, похожи —
Подкова висит в небесах.
А месяц двурогий в пыли
придорожной
сияет на наших глазах.

Всё спутанно в мире, и как тут
распутать,
найти путеводную нить?
Вы скажете, это наивно и глупо
и не о чем говорить.

Быть может, вы правы.
Не будьте так строги:
всё было на ваших глазах.
Ведь месяц двурогий сиял
на дороге,
подкова плыла в небесах.

Но нет. Всё не так.
Всё понятней и проще.
Умерим фантазий порывы.
По небу ночному бесхозная
лошадь
неслась с отлетающей гривой.

А дальше всё ясно: подкова
слетела,
Оставшись всем людям
на счастье.
Такое случилось обычное дело.
И это всё правда — отчасти....

Сижу, продумывая тему,
теряя рассуждений нить.
Как будто в классе теорему
хочу с наскока разрешить.

И что-то на доске химичу,
и понимаю, что попал.
На первой парте наш отличник
как будто в рот воды набрал.

Я взгляд его ловлю с тоскою,
шепча губами: «Помоги».
Но нет его: убит братвою
за непомерные долги.

А мой приятель закадычный,
что на «камчатке» парень свой.
Не маякнет мне, как обычно:
погиб в Чечне на той, второй.

И я ищу глазами лица,
тех, кто поможет в трудный час.
Иных уж нет, те за границей
и вряд ли вспоминают нас.

Учитель с внутренним укором
протяжно произносит: «Да-а».
Нас разбросало по просторам,
пространствам, весям, городам.

Нас разбросало, тех и этих,
и что смогли найти взамен.
Попавшись в призрачные сети
страну убивших перемен.

Я молодые помню лица
в тот выпускной далёкий год.
Сумели ль мы освободиться
от наваждения свобод?

Коль убивали понемногу
пустые лживые слова.

Поверх очков, взглянувший
строго,
Наш Саныч мне выводит: «Два».

И вряд ли кто сейчас подскажет,
куда, к чему и что за чем.
Разрубит с ходу иль развяжет
сложнейший узел теорем.

А судьба, смеясь, тасует карты.
Если зазевался, то беги.
Чёрный жук, ползущий
по асфальту,
опасается непрошеной ноги.

Рассудите, ты ползёшь по делу,
чувствуя болезненный озноб.
И глядишь, а с верхнего
предела
вдруг подошва прилетела в лоб.

Согласитесь, это неприлично.
Жук заметнее, чем юркий
муравей.
И лежишь, раздавленный
прилично,
без присмотра профильных
врачей.

Тут тебе и травма, и простуда.
Ты в квадрате истинный
больной.
Если выжил, то поверил в чудо
и на тротуары ни ногой.

Пусть судьба к вам
благоклонна будет
и летят безоблачно года.
Будьте же внимательнее, люди,
под ноги смотрите иногда.

Юрий Астанков. «И невзначай рождаются слова...»

* * *

И в полдень тяжело дышать, Вы всё узнаете потом,
И лица обжигает солнце. когда немного стихнет сердце,
Ещё немного подождать: когда предвестник ливня гром
Жара спадёт, и дождь позволит встать и оглядеться.
прольётся.

Ещё немного и чуть-чуть — И мир откроется, как вновь
прохлада ваши веки тронет. весь вымытый и откровенный.
И станет ясным трудным путь, И обновлённый до основ.
откроется как на ладони. Всегда готовый к переменам.

* * *

...и невзначай рождаются слова,
которых смысл порою непонятен.
Ведь в голове немало белых пятен.
Их заполняет в полдень синева.

И эти низовые облака,
что так послушны повелению ветра.
Тускнеющий над Волгою закат,
что на исходе золотисто-медный.

Их заполняет всё, о чём подумать лень,
и что, как смерть, пока отсрочено.
Впустую прожит вновь обычный день,
где так уместно ставить многоточие.

Ну, что ещё, ах да: и этот миг,
когда себе проговорил всё это.
И чёрной крачки заполошный крик,
летающий отчего-то против ветра.